

На правах рукописи

ПЕТРОВА НАТАЛЬЯ СЕРГЕЕВНА

**МИФОЛОГИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ В НЕПОДЦЕНЗУРНЫХ ТЕКСТАХ О
СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ 1917—1953 ГГ.**

Специальность 10.01.09 — Фольклористика

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва — 2017

Работа выполнена в ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет» (РГГУ)

в учебно-научном Центре типологии и семиотики фольклора

НАУЧНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ — доктор филологических наук,
профессор **Неклюдов Сергей Юрьевич**

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ОППОНЕТЫ:

Чередникова Маина Павловна – доктор филологических наук, ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный педагогический университет имени И.Н. Ульянова», историко-филологический факультет, кафедра русского языка, литературы и журналистики, профессор

Громов Дмитрий Вячеславович – доктор исторических наук, ФГБУН «Институт этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук», Центр по изучению межнациональных отношений, ведущий научный сотрудник

ВЕДУЩАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ – ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова»

Защита состоится 03.10.2017 г. в 11.00 часов на заседании диссертационного совета Д.002.209.04 на базе ФГБУН Институт мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук по адресу: 121068, г. Москва, ул. Поварская 25а в ауд. ____

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГБУН Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук по адресу: 121068, г. Москва, ул. Поварская 25а и на официальном сайте института http://imli.ru/images/Diss_2017_Petrova/Petrova_diss.pdf

Автореферат диссертации разослан « ____ » _____ 2017 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Сорокина Светлана Павловна

Общая характеристика работы

Работа посвящена мифологическим моделям в неподцензурных текстах¹ о советской власти, отражающих коллективные представления о власти и фольклоризованную реакцию общества на ее действия.

В изучении советского фольклора долгое время преобладали исследования явлений «идеологически выверенных». Между тем разграничение неподцензурного и официально поощряемого крайне актуально для советского материала. В позднесоветское и постсоветское время начали появляться работы, посвященные фольклорным текстам, выходящим за рамки очерченного учебниками устного народного творчества рабочих и крестьян круга (например, исследование М. и Л. Джекобсон песен ГУЛАГа², анализ советских политических анекдотов А. Архиповой и М. Мельниченко³). Однако до сих пор отсутствуют комплексные исследования вернакулярной (отличной от «канона», стихийно возникающей) советской фольклорной традиции. Помимо цензурного крайне важен также методологический аспект проблемы: некоторые фольклорно-мифологические явления не становились предметом фольклористического изучения в связи с тем, что они относительно недавно стали включаться в поле фольклорно-антропологических исследований. **Актуальность темы исследования** заключается в том, что в данной работе сделана попытка восполнить эти пробелы и провести комплексный анализ неподцензурного советского фольклора и мифологии.

Рассматриваемый временной период – преимущественно первые два советских десятилетия (1920–1930-е гг.), когда власть уже установилась и официально легитимизировалась, но еще являлась «новой» для большого количества взрослых граждан (рожденных и выросших до революции и

¹ Текст здесь понимается в широком семиотическом смысле и включает в себя не только вербальные формы, но и ритуализованные акциональные комплексы.

² Джекобсон, М., Джекобсон, Л. Песенный фольклор ГУЛАГа как исторический источник (1917-1939) / М. Джекобсон, Л. Джекобсон. – М.: Совр. гуманитар. ун-т, 1998. – 422 с.; Джекобсон, М., Джекобсон, Л. Песенный фольклор ГУЛАГа как исторический источник (1940-1991). – М.: Совр. гуманитар. ун-т, 2001. – 562 с.

³ Архипова, А.С., Мельниченко, М.А. Анекдоты о Сталине: тексты, комментарии, исследования / А.С. Архипова, М.А. Мельниченко. – М.: ОГИ, 2009. – 400 с.

знакомых с другим способом социополитического устройства). Для сопоставления также привлекаются отдельные разновременные примеры⁴.

Поясним ключевые понятия, используемые в диссертации. *Миф* здесь употребляется как способ «удовлетворения потребности в целостном знании о мире», «организации и регламентации жизни общественного человека» через «предписываемые людям правила социального поведения», «систему ценностных ориентаций», который «облегчает переживание стрессов, порождаемых критическими состояниями природы, общества и индивидуума»⁵.

Традиция используется здесь для обозначения устойчивых способов создания, хранения и передачи культурных текстов.

Неподцензурность советских фольклорных текстов и практик понимается нами двояко: с одной стороны, это явления, не подвергавшиеся официальной цензуре, т.к. были связаны со спонтанной низовой традицией; с другой стороны, ненормативные, расценивавшиеся властью как оппозиционные (хотя зачастую таковыми не являвшиеся).

Понятие *мифологическая модель* рассматривается нами, вслед за С. Неклюдовым⁶, как некая матрица, семантические пресуппозиции которой выводимы из мифологической картины мира⁷ или, по крайней мере, соответствуют ей, но (как правило) противоречат рационально-логическому знанию. Функциональная роль мифологических моделей: 1) способствовать сохранению знаний, предоставляя свои «ячейки» для заполнения семиотически соотносимым «жизненным материалом» (точнее, впечатлениями от него, реакциями на конкретные исторические события и персоны); 2) помогать текстуализации подобных впечатлений и памяти о них.

⁴ Период 1940-х гг. рассматривается главным образом на материале ГУЛАГовских источников, т.к. за пределами ГУЛАГа неподцензурную фольклорную традицию того времени невозможно анализировать вне военного контекста, требующего отдельного глубокого исследования.

⁵ Неклюдов, С.Ю. Структура и функция мифа // Мифы и мифология в современной России / С.Ю. Неклюдов / под ред. К. Аймермахера, Ф.Бомсдорфа, Г.Бордюкова. — М.: АИРО-XX, 2000. — С. 17—38. — URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/neckludov4.htm> (дата обращения 29.10.2016).

⁶ Вопрос обсуждался в личной беседе.

⁷ Мифологическая картина мира понимается здесь как совокупность чувственных образов, обобщающих представления о мире, характерные для какой-либо культуры.

Степень научной разработанности проблемы. Неподцензурная раннесоветская фольклорная традиция пока не стала предметом детального научного рассмотрения, однако можно выделить ряд исследовательских направлений со схожей проблематикой.

Изучение культуры «безмолвствующего большинства» (М. Блок, К. Гинзбург и др.). В ситуации, когда перед исследователями стоит задача восстановления преимущественно устной традиции по неспециализированным письменным источникам, нельзя не обратиться к опыту историко-антропологических изысканий представителей французской школы «Анналов» и ее последователей.

Изучение «народных представлений» о власти в русле исторической и политической антропологии (К. Чистов, Б. Успенский, В. Живов, В. Трепавлов, П. Лукин, Н. Шалаева). В работах историков, филологов, политантропологов на материале следственных дел, дипломатической переписки, религиозных сочинений и фольклорных текстов рассматриваются проблемы сакрализации верховной власти и идеализации правителей, антитеза «праведного государя» и темных сил, наивные представления об отношениях подданства и пр.

Изучение советской повседневности (И. Нарский, Н. Козлова). Уход в «малую историю» позволяет перейти от обобщенных официальных схем к индивидуальным «портретам эпохи», от переднего плана к мелким деталям заднего фона, к неофициальным верованиям, к специфике коллективной памяти.

Изучение советского массового сознания (проблема «общественных настроений») (А. Лившин, Е. Зубкова, Л. Виола, Ш. Фицпатрик). Коллективные фольклорные представления о советской власти трудно рассматривать изолированно от массовых политических настроений эпохи. Здесь полезными окажутся наработки историков, изучавших политические эмоции, культуру крестьянского сопротивления и т.п.

Изучение советской мифологии как продукта официальной идеологии (Н. Тумаркин, А.М. и А.А. Панченко, О. Великанова, Б. Эннкер). Вероятно, наиболее распространенным значением выражения «советская мифология» является понятие мыслительного конструкта, навязываемого массам официальной властью и не соответствующего действительному (социальному, экономическому и пр.) положению вещей. В качестве продукта идеологической пропаганды, нашедшего отклик в массовых представлениях, рассматриваются исследователями и культы Ленина и Сталина

Изучение традиционных фольклорно-мифологических моделей в советских текстах и практиках (С. Неклюдов, А. Архипова). До недавнего времени не было обобщающей работы, в которой четко формулировалась бы проблема взаимоотношений советской власти и фольклора, разграничения санкционированного «сверху» фольклоротворчества и форм, развивавшихся не благодаря, а вопреки официальному вмешательству. Статья С. Неклюдова и А. Архиповой «Фольклор и власть в закрытом обществе»⁸ обозначила эти вопросы.

Отдельно следует сказать об *изучении фольклора заключенных*. На рубеже XIX–XX вв. произошло серьезное расширение сферы фольклористических исследований, куда среди прочих современных форм был включен и блатной фольклор⁹. Затем последовал длительный перерыв (до 1990-х гг.¹⁰) в изучении советского тюремно-лагерного фольклора и этнографии.

Источниковая база исследования. Идеологизация советской науки привела в фольклористике (с 1930-х гг.) к избеганию пристального рассмотрения многих значимых форм культуры, среди которых – религиозные,

⁸ Архипова, А.С., Неклюдов, С.Ю. Фольклор и власть в «закрытом обществе» / А.С. Архипова, С.Ю. Неклюдов // Новое литературное обозрение. – 2010. – № 101. – С. 84–108.

⁹ Историографический обзор работ по отечественному и зарубежному тюремоведению см. в статье: Ефимова, Е.С. Субкультура тюрьмы и криминальных кланов / Е.С. Ефимова. — URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/efimova5.htm> (дата обращения 05.11.2016).

¹⁰ См., например, Самойлов, Л. Этнография лагеря / Л. Самойлов // Советская этнография. — 1990. — № 1. — С. 96—108; Фольклор и культурная среда ГУЛАГа / сост. В.С. Бахтин, Б.Н. Путилов. — СПб.: Фонд "За выживание и развитие человечества", 1994. — 204 с.

магические, политические тексты и практики¹¹. При недостатке традиционных фольклорных записей (экспедиционных интервью и т.п.) существует, однако, значительный пласт материалов, создававшихся отнюдь не для описания неподцензурной советской фольклорной традиции, но крайне интересных для специалистов по фольклору и мифологии¹².

Взяв за основу источниковедческое деление на документы личного и официального происхождения и дополнив его категорией адресата, представим использовавшиеся в ходе исследования источники в виде следующей системы (см. Табл. 1.)

Таблица 1. Источники по неподцензурной советской мифологии и фольклору

	Документы личного происхождения	Документы, созданные властными инстанциями
Вертикальная коммуникация «сверху вниз»	_____	Пресса Формулировки приговоров
Горизонтальная коммуникация	Личные письма Мемуары Дневники	Информационные сводки ВЧК-ОГПУ-НКВД и партийных органов, внутренние инструкции
Вертикальная коммуникация «снизу вверх»	«Письма во власть»	_____

Рассмотрим основные типы использовавшихся источников.

Письменные источники личного происхождения. Основная часть *мемуаров* и *личных писем*, с которыми мы работали, представлена в электронной базе данных Сахаровского центра¹³: тексты опубликованных воспоминаний о репрессиях в СССР, а также ранее не публиковавшиеся материалы. В отличие от воспоминаний, отделенных от описываемых в них событий временным промежутком, *личные письма* и *дневники* дают синхронный срез событий.

¹¹ См. об этом: Иванова Т.Г. История русской фольклористики XX века: 1900 – первая половина 1941 г. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. С. 516–539; Самоделова, Е.А. Фольклор 1920-х – начала 1930-х годов / Е.А. Самоделова // В поисках новой идеологии: Социокультурные аспекты русского литературного процесса 1920-1930-х годов.— М.: ИМЛИ РАН, 2010. — С. 155—190.

¹² См. об этом: Архипова А.С., Петрова Н.С. «Информант недоступен»: как изучать неподцензурную советскую мифологию / А.С. Архипова, Н.С. Петрова // Фольклор в поле и кабинете: знание информанта и интерпретация антрополога. — М.: РГГУ, 2014. — С. 58—60.

¹³ <http://www.sakharov-center.ru/gulag/>

Так называемые *письма во власть* – доносы, жалобы, апелляции, обращения советских граждан в официальные инстанции можно назвать источником, сочетающим в себе частные и официальные элементы: будучи адресованными власти, эти тексты зачастую затрагивают индивидуальные проблемы. Среди крупных подборок «писем трудящихся» следует отметить подготовленные к печати А.К. Соколовым¹⁴, А.Я. Лившиным и И.Б. Орловым¹⁵.

Письменные источники официального происхождения не представляют собой механическую фиксацию исторической ситуации, т.к. создавались в русле определенной идеологической парадигмы. Советская власть сама описывала те явления культуры, которые оказывались недоступными непредвзятому научному анализу. Ценным источником являются *информационные сводки и обзоры ВЧК-ОГПУ-НКВД и партийных органов* – долгое время остававшиеся секретными документы о ситуации в стране (о политических настроениях населения, действиях и высказываниях в отношении к власти и т.п.), предназначавшиеся для узкого круга высших государственных и партийных чиновников. К достоинствам этого исторического источника специалисты относят его большой объем и массовость охвата, но в то же время немало нареканий со стороны исследователей вызывает его субъективность и идеологическая клишированность. Начиная с 1990-х гг. ранее секретные подборки информационно-аналитических сводок публиковались как в виде собраний документов по стране в целом¹⁶, так и в формате региональных сборников¹⁷.

Поскольку распространение информации о неподцензурных текстах и практиках противоречило идеологической конъюнктуре, они не нашли

¹⁴ Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг.. — М.: РОССПЭН, 1998. — 384 с.

¹⁵ Письма во власть. 1917–1927. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям. — М.: РОССПЭН, 1998. — 664 с.

¹⁶ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927—1939. Документы и материалы: в 5 т. М.: РОССПЭН, 1999–2006; Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918-1939. Документы и материалы: в 4 т. М.: РОССПЭН, 2000-2012.

¹⁷ Например, Рязанская деревня в 1929-1930 гг. Хроника головокружения: Документы и материалы. — М.: РОССПЭН, 1998. — 749 с.

целенаправленного отражения в официальной советской *прессе*. Важным исключением являются антирелигиозные издания (в частности, нами были рассмотрены журналы «Безбожник» и «Безбожник у станка»), в которых обличались «темнота», «невежество» и «суеверия» и в качестве примеров приводились любопытные фольклорные тексты и практики.

Устные источники в диссертационном исследовании носят дополняющий и ретроспективный характер. Привлекались как опубликованные данные, так и материалы фольклорных архивов – Эстонского литературного музея (г. Тарту), Лаборатории фольклористики РГГУ (г. Москва).

Подытоживая обзор, сформулируем два основных свойства источников неподцензурной советской фольклорно-мифологической традиции. Во-первых, преобладают не привычные для фольклористики устные сообщения, а письменные документы. Во-вторых, источники нетипичны не только по способу бытования, но и по интенциям их создания: изначально они предназначались отнюдь не для записи фольклорных и мифологических текстов.

На первый взгляд, фольклором в традиционном смысле слова обнаруживаемые в советских дневниках, мемуарах, информационных сводках и прочих документах записи назвать сложно, однако при более подробном рассмотрении здесь, безусловно, выделяются упоминания фольклорных фактов – высказываний разного рода, несущих в себе воспроизводимые и устойчивые сообщения, пусть и довольно аморфные в жанровом отношении, но соотносимые с быличками, бывальщинами, легендами, преданиями, анекдотами. Зафиксированные полностью либо частично в письменных документах, подобные тексты и описания практик советской эпохи позволяют говорить о том, что явления, которые они отражают, обладают такими фольклорными признаками, как устность, анонимность, клишированность, соответствие мифологическим шаблонам и воспроизведение мифологических моделей. Таким образом, выявленные в наших источниках тексты – это не

привычные для фольклористических исследований тексты-объекты, но тексты-инструменты, с помощью которых происходит своеобразная реконструкция отдельных фрагментов неподцензурной советской традиции и этой традиции как системы.

Объект исследования – зафиксированные в преимущественно письменных источниках раннесоветского периода фольклорные тексты (главным образом прозаических жанров) и описания практик, показывающие особенности восприятия новой власти и ее мероприятий жителями советского государства, а также попытки установления диалога с властью в процессе совершения традиционных ритуализованных действий.

Предмет исследования – роль мифологических моделей в концептуализации раннесоветских социополитических реалий.

Перед автором диссертации стояла **цель** показать, что косвенные (письменные и неспециализированные) источники отражают советскую неподцензурную фольклорную традицию и потому доступны методам фольклористического исследования.

Поставленная цель предполагает решение следующих **задач**:

- 1) выявить, свести воедино и систематизировать тексты неподцензурного советского фольклора и мифологии из разных источников (подготовить корпус текстов)
- 2) дать научный комментарий к выявленным записям, показать их перспективность для фольклористического исследования
- 3) провести комплексный структурно-семиотический анализ текстов и практик

Методология исследования. В диссертации показана перспективность использования методов *корпусного анализа* для составления и последующей обработки систематизированного собрания фольклорных текстов¹⁸.

Повторяемость и универсальность обнаруженных в рассматриваемых советских текстах сюжетно-композиционных элементов устанавливалась благодаря использованию *сравнительно-типологического метода*. Это дало возможность включить анализируемые тексты и описания практик в широкий исторический и географический контекст. Продуктивность применения данного метода к фольклорному материалу обоснована в работах В.М. Жирмунского¹⁹, Б.Н. Путилова²⁰, Е.М. Мелетинского²¹.

Основной исследовательский метод, применявшийся при рассмотрении изучаемого материала, – *структурно-семиотический*, позволяющий выявлять характер мифологической системности синхронно бытовавших текстов различных жанров²². Рассматриваемый нами материал гиперсемиотичен. Учитывая знаковую природу любых массовых традиций, можно утверждать, что для их изучения семиотический метод обнаруживает особую продуктивность.

Научная новизна исследования заключается в том, что оно выполнено с учетом существующих проблем описания и изучения неподцензурного советского фольклора и мифологии (таких, как неразличение источников советских текстов и практик («сверху» и «снизу»), индивидуального и

¹⁸ См. об этом: Николаев, Д.С. Создание электронного корпуса фольклорных текстов на русском языке / Д.С. Николаев // Материалы V социологической Грушинской конференции. — URL: http://wciom.ru/fileadmin/file/nauka/grusha2015/s2_6/Nikolaev.pdf (дата обращения 13.10.2016).

¹⁹ Жирмунский, В.М. Сравнительно-историческое изучение фольклора / В.М. Жирмунский // В.М. Жирмунский. Сравнительное литературоведение: Восток и Запад. — Л.: Наука, 1979. — С. 185—191.

²⁰ Путилов, Б.Н. Методология сравнительно-исторического изучения фольклора / Б.Н. Путилов. — Л.: Наука, 1976. — 244 с.

²¹ Мелетинский, Е.М. Сравнительная типология фольклора: историческая и структурная / Е.М. Мелетинский // *Philologica*. Памяти акад. В.М. Жирмунского. — Л.: Наука, 1973. — С. 385—393.

²² См. об этом: Мелетинский, Е.М. К вопросу о применении структурно-семиотического метода в фольклористике / Е.М. Мелетинский // *Семиотика и художественное творчество*. — М.: Наука, 1977. — С. 152—170; Неклюдов, С.Ю. Российская фольклористика и структурно-семиотические исследования / С.Ю. Неклюдов // *Славянская традиционная культура и современный мир: сб. материалов научно-практической конференции*. — М.: ГРЦРФ, 1999. — Вып. 3. — С. 54—62.

типического; преимущественно жанрового принципа отбора материала) и представляет собой опыт комплексного изучения советского неподцензурного фольклора о власти и фольклорно обусловленных способов коммуникации с ней.

Перспективы исследования, его практическая и теоретическая значимость. Исследование выполнено на материале нетипичных для традиционной фольклористики источников – письменных документов личного и официального происхождения, в нем показана продуктивность такого расширения источникового поля для фольклористических исследований.

Полученные выводы представляют интерес для специалистов в области фольклористики, культурной антропологии, культурологии, истории. Результаты работы и библиография могут быть использованы при подготовке лекций и спецкурсов по фольклористике, истории культуры и другим учебным дисциплинам.

Отдельный практический интерес для исследователей неподцензурной советской мифологии и фольклора представляет подготовленный автором корпус текстов. Перспективы работы связаны с продолжением формирования собрания текстов, его дальнейшим качественным и количественным изучением.

Апробация работы. Результаты исследования изложены в ряде статей, а также стали темой выступлений автора на российских и международных научных форумах: международной конференции студентов и аспирантов «Фольклористика. Антропология. Социолингвистика» (Санкт-Петербург, 2012 и 2013); международной конференции «Сибирь социализма: советский век в частной памяти» (Ольхон, 2013); международной конференции «Мифологические модели и ритуальное поведение в советском и постсоветском пространстве» (Москва, 2013); VIII международной конференции студентов и аспирантов «Конструируя «советское»? Политическое сознание, повседневные практики, новые идентичности» (Санкт-Петербург, 2014); XIV-XVI международных летних школах по фольклористике,

культурной антропологии и социолингвистике (Москва-Переславль-Залесский, 2014, 2015, 2016); международной конференции «Этнические, протонациональные и национальные нарративы: формирование и репрезентация» (Санкт-Петербург, 2015); международной конференции молодых филологов (Тарту, 2015), международной конференции молодых фольклористов (Вильнюс, 2016), международной конференции «Skaitymo ir rašymo kultūra: teorija ir praktika» (Вильнюс, 2016), а также на постоянно действующем научном семинаре Учебно-научного центра типологии и семиотики фольклора РГГУ «Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика».

Диссертационное исследование обсуждено на совместном заседании учебно-научного Центра типологии и семиотики фольклора и Института высших гуманитарных исследований им. Е.М. Мелетинского ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет». По теме исследования вышло 15 публикаций, в том числе три статьи в научных изданиях, рекомендованных ВАК РФ.

Положения, выносимые на защиту

1. Важной частью фольклора советской эпохи являются неподцензурные тексты и практики, возникшие в рамках спонтанной «низовой» традиции и выбивающиеся из идеологических нормативов «устного народного творчества рабочих и крестьян». В связи идеологическими и методологическими ограничениями данная сфера актуального фольклора не получила достаточного синхронного изучения (как и научного фиксирования).

2. Недостаток традиционных фольклорных источников (например, записей экспедиционных интервью) компенсируется большим количеством косвенных свидетельств личного и официального происхождения. Фрагментарность представленных в них текстов и описаний практик, а также естественная ограниченность каждого из типов источников требует комплексного подхода к их изучению.

3. Для выявления системных связей в континууме неподцензурных фольклорно-мифологических текстов о советской власти и ритуализованных практиках коммуникации с ней необходимо найти, свести воедино и систематизировать тексты неподцензурного советского фольклора и мифологии из разных источников (подготовить корпус текстов), провести их структурно-семиотический анализ.

4. Фольклорно-мифологические тексты о советской власти и ритуализованные практики коммуникации с ней демонстрируют адаптивную функцию фольклора и мифологии в конкретном историко-культурном контексте. Средства фольклора и мифологии использовались для концептуализации, освоения новых советских социополитических реалий и для установления коммуникации с новой властью в «низовой» традиции – через актуализацию определенных мифологических моделей.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка источников и литературы и приложения.

Объем и структура диссертационного исследования. Общий объем работы – 204 страницы, основного текста – 163 страницы, библиографии – 36 страниц, приложения – 5 страниц. Библиография содержит 324 наименования.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Логика хода исследовательской работы. Сначала фольклоризованные образы советских правителей и реакция на действия властей рассмотрены на примере неподцензурных текстов и практик, бытовавших в городе и деревне в первые десятилетия советской власти, затем аналогичные темы представлены на материале фольклора ГУЛАГа. В завершение говорится о подготовленном диссертантом систематизированном собрании текстов неподцензурного советского фольклора и мифологии.

Во **введении** обосновывается актуальность темы исследования, показана степень ее изученности; сформулированы цели и задачи, охарактеризованы

источники и методы, пояснены ключевые термины, определены научная новизна, теоретическая и практическая значимость исследования.

В *первой главе* диссертации **«Советская власть и взаимодействие с ней в неподцензурном фольклоре города и деревни»** рассмотрены тексты и практики, отражающие фольклоризованные образы представителей советской власти и ее врагов, а также стихийную реакцию жителей советского государства на значимые официальные мероприятия.

Первый раздел *«Фольклоризованные образы представителей власти»* начинается с разбора массовых представлений 1920-начала 1930-х гг. о коммунисте как персонификации нового порядка (§1.1.1. *«Коммунист как персонаж актуальных верований и практик 1920-1930-х гг.»*). К основным семантическим блокам, выделяемым в текстах о коммунистах, можно отнести следующие: «коммунисты-помещики», «коммунисты-караемые грешники», «коммунисты-евреи», «коммунисты-слуги Антихриста». На первый взгляд далекие друг от друга, эти смысловые категории отражают идею инаковости – социальной, этнической, религиозной, крайним воплощением которой является демонизация коммунистов. Мы видим, как актуализируется традиционная фольклорно-мифологическая оппозиция «свой» – «чужой». Это позволяет включать непривычную социокультурную группу в устоявшуюся картину мира при помощи мифологических схем (коммунист как «чужой» - «не человек» - «персонаж актуальной демонологии»).

Далее переходим от обобщенных представлений о коммунистах вообще к фольклорному восприятию конкретных советских правителей, рассмотренному на примере слухов 1920-х гг. о болезни и смерти В. Ленина (§1.1.2. *«Советские лидеры в фольклоре: Слухи 1920-х гг. о болезни и смерти В. Ленина»*). Образ первого советского лидера в неподцензурной устной традиции дискретен: он предстает и в роли «добрého царя», и караемого грешника. Неоднородность восприятия обусловлена такими факторами, как отсутствие на тот момент официального канона; множественность социальных сфер функционирования

таких слухов; обрывочность доступных источников. Запуск той или иной мифологической модели определяется разными исходными ситуациями: если роль Ленина как государственного лидера актуализирует модель доброго правителя, вокруг которой группируются сюжеты о подмене, об убийстве врагами, о посмертном возвращении, то конкретные эпизоды его биографии (проводимая под его руководством антирелигиозная политика, покушение на него, болезнь) способствуют появлению иных рассказов – например, о божественной каре за грехи.

Политические, экономические, культурные преобразования советской власти привели к серьезным изменениям в образе жизни населения. Каким образом они воспринимались и сопоставлялись с прошлым культурным опытом, рассматривается во *втором разделе* первой главы – *«Фольклоризованная реакция на действия власти»*.

Важной сферой активного взаимодействия властных нововведений и традиционного уклада стала религия. Антирелигиозная политика советской администрации включала множество мероприятий, среди которых нами для анализа в §1.2.1. *«Борьба с суевериями и народная метеорология»* была выбрана борьба с «отсталостью и суевериями» в сельском хозяйстве. Можно говорить о сосуществовании в советской деревне 1920–1930-х гг. нескольких форм взаимодействия (диалога) с властью при совершении традиционных ритуализованных действий. Во-первых, сохраняются традиционные ритуальные практики при игнорировании социополитических изменений и при отсутствии диалога с новой властью (действия совершаются без согласования с администрацией любого уровня). В наших примерах сюда относится использование магических средств воздействия на погоду (обходы полей с молебнами во время засухи). Во-вторых, происходит приспособление традиционных форм к новой социополитической ситуации, когда учитывается появление новых властных структур и с ними согласовываются обрядовые действия при сохранении изначальных функций и структуры последних. Это

дает «внешнюю видимость» диалога. Наконец, осуществляется трансформация традиционных форм через включение новых реалий в мифологическую систему представлений (изменение интерпретаций явлений, нетрадиционные действующие лица в обрядах и т.п.) и в связанные с ними практики.

В следующем подразделе (§1.2.2. «*Эсхатологические настроения эпохи коллективизации*») показано, как представления о сломе «старого порядка» экономическими нововведениями «безбожной» советской власти привели к активизации эсхатологических настроений в виде слухов о конце света, о пришествии Антихриста и т.п. Выделение отдельных мотивов («Ленин и Сталин – два зверя из Апокалипсиса/антихристы», «Советская власть – власть Антихриста», «Коммунисты – слуги Антихриста», «Колхоз – царство Антихриста / небогоугодное дело», «В колхозах людей клеймят / налагают печать Антихриста», «Грядет конец света») позволяет включать отрывочные тексты информационных сводок периода коллективизации в широкую традицию апокалипсических повествований.

Еще одно событие, спровоцировавшее всплеск эсхатологических настроений – это Всесоюзная перепись населения 1937 г. (§1.2.3 «*Перепись 1937 г. в слухах*»). Основные эсхатологические мотивы в слухах о переписи 1937 г. во многом совпадают с приведенными выше примерами. Значение эсхатологических слухов 1930-х гг. не только в выражении политического протеста. Также можно говорить об идентификационной функции таких текстов: мир в них делится на сторонников Антихриста (безбожных, разрушающих церкви, запрещающих обряды, аморальных, несущих хаос) и его противников (пытающихся сохранить веру, традиционные общественные законы, привычный порядок).

Очевидно, что неподцензурную фольклорную традицию невозможно рассматривать в изоляции от официальной советской мифологии, искусственно поддерживаемой пропагандистскими медийными технологиями. Показательный пример их сложного взаимодействия, рассмотренный в

последнем подразделе первой главы (§1.3. «*”Враги народа” в советском неподцензурном фольклоре*»), – тексты о «врагах народа», где известные из советской прессы и агитационных плакатов типажи становятся персонажами слухов, актуализирующих традиционные фольклорно-мифологические мотивы (например, «король под горой», «кровавый навет»).

На примере разобранных кейсов можно выявить общие закономерности функционирования неподцензурного фольклора и мифологии. В ситуации тотальных социополитических изменений раннесоветской эпохи неподцензурная фольклорная реакция была одним из способов осмысления и адаптации этих нововведений к традиционной картине мира. Знакомые и понятные мифологические модели предлагали готовые интерпретативные схемы, которые наполнялись актуальными реалиями (именами, событиями).

Во *второй главе «Советская власть и взаимодействие с ней в фольклоре ГУЛАГа и в фольклоре о ГУЛАГе»* рассматриваются пенитенциарные институции – классический пример взаимодействия власти и подчиненных, пространство реализации практик, направленных на создание нормативной структуры общества. Тюрьма и лагерь представляют собой квинтэссенцию тоталитарной системы управления и подчинения. Помещенные в эту систему заключенные оказывались вовлеченными в сложную иерархическую систему и вынуждены были выстраивать новые для себя и горизонтальные (с сокамерниками/солагерниками), и вертикальные (с администрацией) отношения.

В первом разделе (2.1 *«ГУЛАГ как поле антропологических исследований для репрессированных ученых»*) рассмотрены попытки синхронного изучения ГУЛАГовской этнографии специалистами: вынужденное «включенное наблюдение», работа в лагерном «поле» ученых-гуманитариев.

Нами не делалась попытка охватить здесь все разнообразие жанров тюремно-лагерного фольклора – для рассмотрения были выбраны кейсы, отражающие либо восприятие персонифицированной власти (2.2

«Фольклоризованные образы представителей власти: наркомы Ягода, Ежов»), либо принципы взаимодействия с властью и осмысления ее сущности в условиях заключения (2.3 «Фольклоризованная реакция на действия власти»).

В разделе §2.3.1 «Информационная изоляция заключенных и развитие мантических практик» рассмотрены возникающие как ответ на состояние перманентной неопределенности гадательные и онейромантические практики. Построенные по традиционным семиотическим схемам гадания, приметы, толкования сновидений посвящены актуальным для ГУЛАГа темам ареста, тюремно-лагерного быта, освобождения и смерти, при этом наблюдается переключение интерпретационных кодов – переосмысление одних и тех же знаков на воле и в заключении. В замкнутом иерархическом ГУЛАГовском социуме происходит профессионализация мантических практик, смещение их в сторону пассивно-коллективных фольклорных форм.

В §2.3.2 «Антирелигиозная политика и народная религиозность в повседневной жизни заключенных» – на примере субститутов (действий, пространств, предметов, персон, текстов), использовавшихся при выполнении ритуализованных христианских практик, показано переосмысление верующими заключенными значения бытовой религиозности, идентификационная функция данных практик, конфликты либо поиски компромисса с властями. Данный кейс продуктивно рассматривать сквозь призму концепции «скрытого сопротивления» Дж. Скотта²³.

Крайней формой негативной идентификации в отношении власти можно назвать ее демонизацию в эсхатологических слухах, функционировавших среди заключенных-религиозников. В посвященном таким текстам разделе §2.3.3 «Эсхатологические настроения в ГУЛАГе» отмечено их соответствие как дореволюционной, так и современной эсхатологической мифологии.

²³ Scott, J.S. *Domination and the Arts of Resistance: Hidden Transcripts* / J.S. Scott. — New Haven: Yale University Press, 1990.

В *третьей главе* «Систематизированное собрание текстов неподцензурного советского фольклора и мифологии: принципы составления и исследовательские перспективы» представлены результаты выполнения практической задачи диссертационного исследования – подготовки структурированного собрания текстов неподцензурного советского фольклора и мифологии²⁴. В основе собрания лежит тематический принцип как наиболее подходящий для разнородного материала: фольклорно-мифологических текстов, их пересказов или отрывочных упоминаний, описаний практик. Тексты собрания специально размечены, что делает их доступными для дальнейшей технической обработки и корпусных методов анализа.

Текст завершается **Заключением**, которое представляет собой краткое обобщение всех полученных выводов и указание на перспективы дальнейшего исследования. После основного текста в соответствующем разделе помещен список всех использованных источников и литературы.

В качестве Приложения 1 к тексту диссертации прикреплен Тематический указатель систематизированного собрания текстов неподцензурного советского фольклора и мифологии.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

1) Петрова, Н.С. **Неподцензурный советский фольклор в воспоминаниях заключенных СибЛага (1930-1940-е гг.)** / Н.С. Петрова // **Известия Иркутского государственного университета. — 2013. — № 2 (11). — Ч. 2. — С. 53—63. — (Серия «Политология. Религиоведение»).**

²⁴ http://www.ruthenia.ru/folklore/pdf/2016_petrovans.pdf

2) Петрова, Н.С. Яд кураре, замороженный труп и восковой двойник: слухи 1920-х гг. о болезни и смерти Ленина / Н.С. Петрова // Антропологический форум. — 2014. — № 22. — С. 212—225.

3) Петрова, Н.С. "Субститутные" элементы в религиозных практиках (по воспоминаниям заключенных ГУЛАГа 1920-1940-х гг.) / Н.С. Петрова // Россия XXI. — 2015. — № 4. — С. 166—175.

4) Петрова, Н.С. Сезонная активность антихриста (Эсхатологические настроения в Рязанском округе в 1929 – 1930-м гг.) / Н.С. Петрова // Фольклористика. Антропология. Социоллингвистика: Сб. тезисов. конференции студентов и аспирантов. — СПб.: ЕУСПб, 2012. — С. 74—77. — URL: http://www.eu.spb.ru/images/et_dep/conf/tezisy_fa_22-24.03.2012.pdf (дата обращения 01.09.2016).

5) Петрова, Н.С. «Живой Мартын Задека в действии»: Толкования сновидений в ГУЛАГе / Н.С. Петрова // Фольклористика и культурная антропология сегодня: Тезисы и материалы Международной школы-конференции. — М.: РГГУ, 2012. — С. 314—324.

6) Петрова, Н.С. Апокалиптическая перепись 1937 г. / Н.С. Петрова // Мифологические модели и ритуальное поведение в советском и постсоветском пространстве: Сб. ст. — М.: РГГУ, 2013. — С. 179—187.

7) Петрова, Н.С. Коммунист как персонаж актуальных верований и практик 1920-1930-х гг. / Н.С. Петрова // Конструируя «советское»? Политическое сознание, повседневные практики, новые идентичности: материалы восьмой международной конференции студентов и аспирантов. — СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2014. — С. 129—135.

8) Петрова, Н.С. Включенное наблюдение поневоле (по материалам воспоминаний репрессированных ученых) / Н.С. Петрова // Фольклор в поле и кабинете: знание информанта и интерпретация антрополога: тезисы и материалы Международной школы-конференции. — М.: РГГУ, 2014. — С. 23—25.

9) Петрова, Н.С., Архипова, А.С. «Информант недоступен»: как изучать неподцензурную советскую мифологию / Н.С. Петрова, А.С. Архипова // Фольклор в поле и кабинете: знание информанта и интерпретация антрополога: тезисы и материалы Международной школы-конференции. — М.: РГГУ, 2014. — С. 58—60.

10) Петрова, Н.С. Информационные сводки органов политического надзора как источник для изучения актуального фольклора (на примере метеорологической магии 1920–1930-х гг.) / Н.С. Петрова // Русский архив. — 2015. — Вып. (7). — № 1. — С. 6—14.

11) Петрова, Н.С. «Этнограф в экспедиции, а не раб»: репрессированные ученые в ГУЛАГе / Н.С. Петрова // Антрополог глазами информанта / Информант глазами антрополога: коллективная монография. — М.: Форум, 2015. — С. 76—84.

12) Петрова, Н.С. Этническое маркирование в зонах искусственного межкультурного пограничья (по материалам воспоминаний политзаключенных ГУЛАГа) // Н.С. Петрова // Аннотации докладов международной научной конференции «Этнические, протонациональные и национальные нарративы: формирование и репрезентация». — СПб.: СПбГУ, 2015 — URL: <http://historianationemgignit.jimdo.com/русский/аннотации/групповость> (дата обращения 01.04.2017).

13) Петрова, Н.С. «Кислой была ягода, но, боюсь, что и в ежовые рукавицы попасть не слаще»: наркомы внутренних дел в неподцензурном советском фольклоре / Н.С. Петрова // Антропология власти: фольклорные тексты, социальные практики: Материалы XV Международной Школы-конференции. — М.: РГГУ, 2015. — С. 76—80.

14) Петрова Н. Фольклорист и «чужие» источники: корпус текстов неподцензурной советской мифологии / Н.С. Петрова // Методы и концепции в фольклористике и культурной антропологии (конец XX – начало XXI века):

материалы XVI Международной школы-конференции. — М.: РГГУ, 2016. — С. 43—46.

15) Petrova, N. Enemies of the People in the soviet Uncensored Folklore / Natalia Petrova // Us and Them: Exploring the Margins. 6th International conference of young folklorists: conference abstracts. Institute of Lithuanian literature and folklore, Department of Estonian and comparative folklore, University of Tartu. — Vilnius: б/и, 2016. — P. 21— 22.